

Повседневность вуза: коррупция или реальная экономика?

Кирилл Титаев, аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге, м.н.с. СПбФ ГУ ВШЭ

Данная статья направлена на инвентаризацию существующих исследований неформальной экономики высшего образования, выделение основных тенденций в понимании этого феномена. На базе выделенных тенденций предлагается выделить основные «белые пятна» в этом исследовании и предложить альтернативный взгляд на реальную экономику высшего образования.

Исследования коррупции в вузах

Обзор существующих исследований коррупции в вузах необходим как некоторая инвентаризация этого относительно разрозненного поля. Сегодня сложилась ситуация, в которой не существует обзорных работ, которые показывали бы общее состояние проблемы. Здесь я постараюсь, решить одновременно несколько задач. Во-первых, я покажу кратко историю исследований коррупции в вузах, затем обращусь к основным количественным данным, полученным в ходе исследований. Завершая этот раздел я хотел бы продемонстрировать основные дискуссии, которые ведутся в литературе: о причинах вузовской коррупции.

Хотя мы и попытаемся показать ниже, что аналитический инструментарий, связанный с коррупционной терминологией – не самый удачный для анализа современной системы высшего образования в России, здесь мы остановимся именно на обзоре исследований коррупционных практик. Понятно, что, несмотря на различие терминологий и разное ограничение объекта, те, кто говорят о коррупции, неформальных обменах, неформальных платежах, неформальных практиках поступления и т.д. – говорят об одном и том же эмпирическом феномене.

В существующих сегодня исследованиях очень часто смешивается несколько разных типов платежей. Все они по-своему важны, но далеко не все можно назвать коррупцией. Первый из этих типов – это собственно коррупционные платежи. Преподаватель или сотрудник вуза получает деньги или материальные ценности за то, что предоставляет студенту или абитуриенту некоторые не предусмотренные формальными правилами преференции. Наряду с интересующими нас – коррупционными платежами также часто относятся к той же группе платежи райтерам¹ (подробно см. Калимуллин, 2005 – 2007). То есть, те расходы, которые студенты несут, заказывая выполнение учебных работ на стороне.

Нередко, даже на уровне инструментария эти виды платежей смешиваются так, в 2007 году (Экономические стратегии, 2007а) они уже разделяются в инструментарии, однако на стадии анализа они уже объединяются. А на более ранних стадиях они были объединены и в инструментарии (см., например Затраты домохозяйств 2005с). Как уже件нятно, в этом исследовании я оставляю в стороне вопрос о заказе работ студентами, равно как и все практики мелкого «журльничества» студентов, такие как списывание, пользование

¹ Термин Т. Калимуллина

шпаргалками и т.п. Однако, существует одна форма, которая безусловно должна расцениваться как коррупционная. Это случай, когда преподаватель сам готовит для студента квалификационную работу (за соответствующее вознаграждение) или поручает эту работу своим подчиненным. Однако, в существующих работах такого выделения до сих пор не производилось.

Говоря об общих особенностях взгляда на коррупцию в высшем образовании в России необходимо отметить большое количество работ, которые склонны к уходу скорее публицистическую, нежели в исследовательскую риторику. Так, например, это может быть яростное обличение: «между декларациями властей об их честности, стремлении беспощадно бороться с коррупцией и коррупционными реалиями существует огромная и все расширяющаяся пропасть, указывающая на **непрекращающийся рост масштабов государственного лицемерия**².» (Лунеев, 2000: 99) или лиричное рассуждение (Сатаров 2002b). Работы же, которые сохраняют аналитический тон, очень часто ограничиваются констатацией фактов и их измерением, отказываясь от более глубокого анализа. Например, это характерно для серии мониторингов экономики образования. Также нередко с коррупцией путают и вовсе отмыывание денег (напр. Гуриев, 2007: 18), которое мы тоже оставим в стороне.

В целом интересно то, что долгое время (до середины 2000-х) коррупция в вузах выпадала как из сферы интересов аналитиков, так и из коррупционных исследований, посвященных ситуации в целом. Так в исследовании Ю. Левады, посвященном коррупционной проблематике, в списке понимания коррупции нет ни одного ответа, который можно было бы отнести непосредственно к образованию. Только абстрактное «взяточничество» без уточнения». Все остальное к коррупции в ВУЗах отнести явно нельзя. (Левада, 2000: 8). Многие исследования, как ориентированные на понимание и объяснение феномена коррупции, так и на борьбу с ней, просто оставляли проблемы вузов за кадром, останавливаясь на коррупции в сфере государственного управления (например, Сунгуров (ред), 2000).

История исследований по проблеме неформальных платежей в вузах

В 2000-е годы волна исследований по антикоррупционной тематике высвечивает тему коррупции в сфере высшего образования. Большая их часть реализуется с использованием опросного инструментария. Исключением стало большое исследование, проведенное авторским коллективом под руководством С. Шишкина (Шишкин (ред), 2004а). В рамках этого исследования была проведена классификация форм неформальных платежей. Небольшое качественное исследование было проведено в Иркутске автором этой статьи (Титаев, 2005). Кроме того, известно о масштабном качественном исследовании, которое реализуется, начиная с 2005 года в Хабаровске под руководством Л. Бляхера, но публикаций по результатам этой работы найти пока не удалось. Небольшой блок работы с качественными данными включал в себя известный проект Г. Сатарова (Сатаров, 2002а).

Опросы же можно разделить на две больших группы. Первая группа – это опросы, направленные на оценки коррупции в России во всех сферах. К этой группе относится известная серия проектов Г. Сатарова (два цикла опросов – в 2001 и 2005 году), опиравшиеся на общероссийскую репрезентативную выборку. Здесь же нужно упомянуть о более ранних проектах ВЦИОМ под руководством Ю. Левады (Левада, 2000). Серия региональных опросов была проведена при поддержке компании Management System International (серия региональных опросов в Самаре, Иркутске, Томске, Владивостоке, Хабаровске, Петропавловске-Камчатском).³ Однако, материалы этих опросов практически

² Здесь и далее выделено автором цитируемого текста

³ Материалы представлены на сайте Российского антикоррупционного партнерства.

не были введены в научный обиход. Что же касается других антикоррупционных опросных проектов, то в изучении коррупции в ВУЗах они не оставили своего следа.

Вторая группа проектов – это опросы, связанные с анализом системы образования в целом, таким образом, что в них, так или иначе, освещалась проблема неформальных платежей. К этим опросам, преимущественно относятся исследования, проводимые Высшей школой экономики в рамках Мониторинга экономики образования. Здесь же можно рассмотреть некоторые проекты Независимого института социальной политики, направленные например, на анализ доступности образования (Шишкин (ред.), 2004b).

И, наконец, третий блок эмпирических исследований посвящен непосредственно коррупции в вузах. В трансрегиональном масштабе он реализовывался только в профильных опросах НИСП. Большой блок опросов был проведен группами, работавшими в рамках (или при поддержке) Независимого института социальной политики. Здесь было проведено большое количество разных опросных исследований, выполненных разными командами. Кроме того, имели место небольшие региональные опросы, проводившиеся в разных городах. И, наконец, в последние 2 года появились исследования, направленные на описание коррупции в вузах в других государствах СНГ. На сегодняшний день мы точно знаем о проведении таких опросов в Грузии (Shelley, Alasania, 2004) и Кыргызстане (Элементы коррупции, 2006).

Таким образом, получается, что реально пространство дискуссии поделено между тремя командами: Высшей школой экономики, фондом ИНДЭМ и независимым институтом социальной политики. При этом конкретные исследователи нередко кочуют из одной команды в другую, что позволяет говорить об относительно едином исследовательском пространстве.

Также необходимо отметить, что проблема коррупции в вузах наконец стала привлекать внимание исследователей за пределами Восточной Европы. Еще полгода назад мне не удалось найти ни одной публикации, посвященной проблеме коррупции в высших учебных заведениях в крупнейших мировых журналах.⁴ На сегодняшний день уже появляются первые работы, которые обращают внимание на проблему коррупции в высших учебных заведениях по всему миру (Hallak, Poisson, 2007), однако они пока еще остаются скорее обзорными или постановочными по своему характеру. Существуют также небольшие работы, претендующие, скорее на постановку проблемы (например, Altbach, 2004).

Основные количественные результаты

Сразу оговоримся, что коррупционные рынки в высшем образовании стабильно делятся на две части. С одной стороны, это коррупция при поступлении в вуз, а с другой – коррупция в процессе обучения (например: рынок зачислений и рынок экзаменов (Клямкин, Тимофеев, 2000)). В этой части достигнут консенсус всех исследователей. Интересно, что одно из исследований добавляет еще и блок коррупции при получении итоговых документов (Экономические стратегии 2007а), которое отсутствует в других работах. На основании имеющихся данных было бы крайне интересно рассмотреть этот рынок. Однако и в названном исследовании этот рынок освещается только в контексте получения высшего образования взрослыми людьми.

Вопрос о том, насколько известны коррупционные практики варьируется от 83 % (Коррупция в системе, 2004) до 98 % (Шевченко, Гаврилов, 2005). Однако, здесь это расхождение не кажется принципиальным и его вполне можно списать на различия

⁴ По базам JSTOR и EBSCO

методик. Учитывая, что уровень предельной погрешности в этих опросах составлял около 5%, то с учетом доверительных интервалов разбег составляет всего около 5 %. То есть, мы можем с уверенностью говорить о том, что этот уровень выше 80%. При этом считают, что коррупция мало распространена – 18%, а что широко – 71 % (Левада, 2000: 12).

В том, что касается потенциального спроса на коррупцию, ситуация несколько иная. По данным Г. Сатарова спрос находится на уровне 63,2 % (Сатаров 2005), в то время, как по данным ГУ ВШЭ лишь на уровне 43 %. Даже с учетом погрешностей опросов разница все равно превышает 5 %. К этой интересной особенности мы еще вернемся. Однако, следует сказать, что по данным всех опросов уровень спроса на коррупцию при поступлении в России колеблется в районе 50 % +/- 15.

Говоря об уровне коррупционного риска, мы можем только опираться на данные Г. Сатарова, поскольку другими исследователями этот показатель отдельно не оценивался. Он, по данным фонда ИНДЭМ, составляет 52,1 %.

Уровень коррупции при обучении наоборот исключен из данных в исследованиях Г. Сатарова, и потому мы можем опираться только на данные мониторинга экономики образования. В этом случае мы можем говорить о том, что объем этой коррупции составляет 9 % для России в целом.

Говоря о динамике, мы можем опираться на данные Г. Сатарова. Причина этого в том, что данные, которые представлены российским мониторингом образования, хотя и складываются в убедительные, на первый взгляд, тенденции имеют лишь различия между годами, которые становятся незначимыми при учете погрешностей. По этим данным имеет место рост коррупционных рисков, падение коррупционного спроса, падение размера взятки и рост общего объема рынка.

Говоря об объемах рынков, мы видим данные фонда ИНДЭМ: 18,1 млрд. рублей в сумме (Сатаров 2005). С другой стороны, мы наблюдаем 10,7 млрд. рублей при поступлении и 10,7 млрд. при обучении по данным ГУ ВШЭ (Галицкий, Левин 2004: 46), схему расчета см в (Коррупция в системе 2004). То есть, можно говорить о том, что современная ситуация описывается более чем 15 млрд. взяток в вузовской системе, которые примерно поровну распределяются между двумя коррупционными рынками. Интересно при этом показать данные Я. Кузьмина о том, что в структуре затрат домохозяйств на образование доля неформальных платежей всех видов колеблется между 7 и 13 %. (Кузьминов 2007)

При этом уровень сопротивления коррупции относительно невысок «Взятку оценивают как недопустимую практику 47% родителей и 43% детей, хотя примерно 61% детей и родителей считают, что им не придется использовать этот способ. Каждый десятый абитуриент считал, что при поступлении будет необходимо дать взятку.» (Рощина, 2003: 15). Интересно то, что уровень тех, кто категорически не готов и тех, кто такой опыт так или иначе имел практически совпадают. Это объясняется очень просто. «При чрезвычайно высокой степени готовности родителей пойти на такой способ облегчить для своего ребенка путь в высшую школу взятку готовы дать 57% родителей (даже среди тех, кто вообще считает взятку недопустимой, согласны заплатить 42%)». (Рощина, 2003: 16)

Также обращают внимание исследователи⁵ на то, как соотносятся шансы на получение образования и коррупционный фон. «среди школьников, вообще не собирающихся получать высшее образование (76 чел., или около 5%), 40% видят препятствие к

⁵ Далее я отмечу несколько фактов, которые мне кажутся интересными и важными для дальнейшего развития этой статьи.

поступлению в том, что у них нет связей (среди их родителей – 23%).» (Рощина, 2003: 14) Подробный анализ этого вопроса можно найти в других изданиях (Шишкин (ред.) 2004а и Шишкин (ред.) 2004b).

Интересно то, что отсутствует, вопреки мнению многих исследователей зависимость между платностью вуза и его коррумпированностью практически отсутствует. Так по некоторым данным «52% случаев студентам-платникам самим доводилось давать взятку» (Шевченко, Гаврилов, 2005:122)

Использование коррупционных ресурсов плотно связано с уровнем дохода. Так, для высокодоходных групп это 19,6 % опрошенных, для средних – 11,4 и для низкодоходных – 8,8 %. (Аврамова и др., 2004: 44) Это один из немногих факторов, значимость которого проверена на регрессионных моделях (Рощина, 2003)

В эмпирических исследованиях коррупции найдена еще одна интересная закономерность: «Существует зависимость между самостоятельностью выбора того или иного вуза и факультета и включенностью студента в ТЭО. По собственному желанию поступали в вуз и самостоятельно выбирали вуз и факультет только 53% опрошенных. В остальных случаях родители либо участвовали в принятии решения о поступлении и выборе вуза, специальности, либо определяли и являлись инициаторами этих акций. Влияние родителей на респондентов, которые использовали теневые способы при поступлении в вуз, оказалось выше - 14,2%, чем у тех, кто не давал взятки - 6,2%. Имело место более сильное влияние родителей также при выборе конкретного вуза и факультета - 16,9% против 8,4% соответственно. Данные цифры можно трактовать по-разному. Вероятно, наличие связей, знакомств, знание способов теневого влияния на поступление побуждает родителей в большей степени определять образовательный путь детей.» (Шевченко, Гаврилов, 2005: 121)

Завершая обзор количественных данных, отметим, что интересным является такое соотношение. По данным опросов ГУ ВШЭ уровень коррупции при поступлении составляет в 2004 году 8 % (Затраты домохозяйств 2005а), одновременно мы читаем «[коррупция существует] в значительно меньших масштабах, чем приписываемые им массовым сознанием: можно говорить о примерно 25% случаев, отмеченных респондентами в Саратове, и 16% - в Москве.» (Шевченко, Гаврилов, 2005: 121). По данным ВЦИОМ на 2000 год – 36 % (Левада, 2000). То есть, разбег получается почти в 3 раза, если мы будем считать саратовские цифры аналогичными цифрам «Россия, кроме Москвы». Эта же тенденция прослеживается и в других опросах. И это наш главный вывод на сегодняшний день.

Если опрос в целом посвящен проблемам образования, то доля тех, кто говорит о коррупционном опыте в 2-3 раза ниже, чем в опросах, посвященных проблеме коррупции. Причин этого может быть две. Первая состоит в том, что респонденты, которых спрашивают о коррупции в целом, оказываются более открытыми, свободнее говорят о коррупционном опыте в сфере высшего образования. Вторая состоит в том, что необходимость показать свою «адекватность» перед интервьюером заставляет людей говорить о несуществующем коррупционном опыте. К сожалению, в рамках имеющихся информационных ресурсов сказать о том, какая из этих причин оказывается доминирующей, не представляется никакой возможности. Сложность усугубляется тем, что методика исследований бытовой коррупции лишь однажды стала предметом методологической рефлексии (Сатаров 2006).

В целом мы можем отметить несколько существенных особенностей, которые мешают адекватной работе по агрегации этих данных:

1. В опросах не всегда производится разделение коррупции при поступлении и коррупции при обучении (возможно, коррупции при выпуске).
2. В опросах часто отсутствует возможность для разделения коррупционного спроса и коррупционных рисков.
3. В масштабных опросах вопросы о коррупции в вузах помещают в батарею вопросов. Либо это вопросы о расходах на образование, либо это вопросы о сферах коррупционного опыта, что сильно влияет на результат.

Дискуссия о причинах коррупции в вузах

Самой масштабной дискуссией, связанной с коррупцией в вузах, стала, безусловно, дискуссия о том, какими средствами необходимо бороться с коррупцией. Однако, по природе своей она является акционистской, а не исследовательской, поэтому здесь я оставляю ее в стороне. Второй по масштабам стала дискуссия о причинах коррупции.

Первым объяснением, которое дается многими исследователями оказывается «советское наследие». Косвенно это подтверждается такой фразой: «Взятки дают за распродажу государственных ресурсов... ..за поступление в учебные заведения и даже за выдачу дипломов...» говорил Никита Хрущев в 1963 году (цит. по Карклинс 2006).

Одновременно, говоря о ситуации в Азербайджане Илья Земцов говорит о тотальной коррупции в учебных заведениях и уже тогда проводит границу между взятками в денежной форме и использованием связей, подчеркивая относительную легитимность вторых (Земцов, 1976).

Объяснения, обращающиеся к советскому опыту распадаются на две группы. В первом случае постулируется высокая степень коррумпированности советских вузов, не считая «центральных» и «элитных». В локальных вузах, с этой точки зрения существовала «договоренность элит», которая позволяла всем, кто был с этими элитами так или иначе связан, получить дипломы, не получая (или не обязательно получая) соответствующую квалификацию (Shelley, Alasania, 2004). Затем, постепенно обмены развивались от обменов нематериальными активами, к обменам денежным (Сатаров, 2004: 67-68). Это дало возможность для формирования существующей системы.

Второй способ понимания советского опыта это объяснение образования как дефицитного блага, на получение которого, с одной стороны, имеют право все граждане, а с другой стороны, получить его могут далеко не все. Это, следовательно активировало отношения к образованию, как к дефицитному благу, а любое дефицитное благо начинает распределяться через неформальные каналы (Левада, 2000: 14).

Вторым по частоте объяснением оказывается малая плата преподавателей. Она широко используется исследователями, ориентированными на оценку коррупции как абсолютного зла (Shelley, Alasania, 2004). Для них она оказывается своего рода средством оправдать поведение преподавателей и сотрудников ВУЗов (Арапов 2004: 39). Объяснять суть этого, суждения, по сути, нет необходимости. Преподаватели, по мнению этих исследователей, имели только один механизм поддержания некоторого минимального уровня жизни – использование коррупционных схем (Элементы коррупции 2006).

Третьим важным аргументом, который привлекается исследователями оказывается распад связи между сигналом и квалификацией (Галицкий, Левин, 2004). То есть, возникает отдельный рынок сигналов (дипломов), который никак или почти никак не связан с человеческим капиталом как таковым – с навыками и умениями выпускника (Элементы коррупции 2006).

Четвертая позиция, которая высказывается связана со стремительным снижением качества школьного образования. Ее сторонники говорят о том, что репетиторство, в том числе и черное, (Арапов, 2004: 38) оказывается системой, которая обеспечивает абитуриенту минимально приемлемый уровень для поступления в вуз (Саломатин, 2001). Одновременно вся система неформальных контактов при поступлении вызвана к жизни отсутствием адекватной возможности оценить качество абитуриента. Соответственно неформальные практики поступления обеспечивают, с одной стороны, возможность оценки, а с другой – вводят иной (денежный) принцип этой оценки (Сабуров, 2004: 24)

Неотрефлексированный переход в «общему» высшему образованию (Клячко, 2004) оказывается пятой выделяемой причиной. Здесь мы обращаем внимание на тот факт, что высшее образование утратило, по сути функцию профессиональной подготовки. Оно стало способом получения дополнительного общего образования. Из несоответствия требований образовательной программы вуза и потребностей студента рождаются коррупционные практики.

Шестой, самый небольшой фактор - отсутствие репутационных рынков мельком отмечается в одной из публикаций (Музалевская, 2006). То есть, все вузы, за исключением элитных, оказываются одинаковыми – нет разницы между ними и, соответственно, нет смысла бороться за репутацию.

Кроме этого, исследователи говорят о ряде факторов, которые не являются непосредственно причинами, но которые весьма способствуют развитию коррупции в образовательной среде.

С одной стороны, многими констатируется огромная разница между связями и моральной экономикой и денежными отношениями (Шевченко, Гаврилов, 2005). Предполагается, что первые – по сути неизбежны, а вторые – следствие распада образовательной системы. Также в более ранних исследованиях автора переход к денежному вознаграждению рассматривался как важнейший фактор институционализации коррупции (Титаев, 2005). Сюда же можно отнести логику разделения затрат на эффективные (легальные) и неэффективные (нелегальные), которая оказывается ключевой в некоторых аналитических схемах(Савицкая, 2004).

Однако, есть альтернативное мнение, согласно которому «взятка и блат выступают скорее как взаимодополняющие элементы» (Рощина, 2004: 16). В этом случае мы анализируем поведение практически полностью рационального агента, руководствующегося логикой снижения издержек. При этом характер издержек оказывается незначимым – они взаимозаменяемы (Рощина, 2003).

Применение дилеммы заключенного к анализу поведения абитуриента (Шевченко, Гаврилов, 2005) дополнительно показывает как абитуриент, ожидающий, что шансы его снижены за счет других, воспользовавшихся уже неформальными механизмами, сам оказывается вынужден пользоваться этими механизмами. Это дополнительно повышает спрос на коррупцию в системе высшего образования.

Кроме того, отдельные авторы рассматривают ЕГЭ как форму институционализации негативных эффектов коррупции (Аванесов 2003). По мнению исследователя – здесь разрушается система академических оценок – вводится всеобщий эквивалент. И здесь уже не принципиально – результаты теста это будут или деньги. В этой ситуации ЕГЭ только подхлестывает коррумпивный подход к образованию.

Альтернативный взгляд на возможности исследования

Как видно из приведенного обзора, аналитики склонны работать в двух направлениях. С одной стороны выделять характеристики домохозяйства, которые влияют на готовность

участия в неформальных транзакциях. С другой – выделять институциональные причины, которые оказали влияние на сложившуюся систему.

Единственной комплексной теоретической перспективой является предложенный Г. Сатаровым агентский подход (Сатаров, 2004). Однако, это видение слабо подходит для анализа высшего образования. Как справедливо отмечается, автором анализ взаимоотношений взяткодателя и взятокополучателя затруднен при использовании агентской модели (Сатаров, 2004: 64), а именно они оказываются ключевыми для нас.

Таким образом, встает вопрос о том, чего же не хватает в существующих исследованиях коррупции в высшем образовании, для того, чтобы мы могли предложить целостную модель этого явления.

Первой большой проблемой оказывается рассмотрение в эмпирическом материале торгов на внутреннем рынке, как серии разовых транзакций. То есть, исключается фактор накопления опыта и рутинизации поведения агента. Кроме того, исключается фактор давления продавца на потребителя и ситуацию вынужденной покупки. В целом необходимо отметить, что в сфере коррупции в вузах существующая исследовательская традиция крайне слабо работает с проблемой вынужденного совершения неформального обмена. Этим образование радикально отличается от других рынков бытовой коррупции, работающих именно по такой модели. Здесь выстраиваются долговременные неформальные отношения и этим наша ситуация напоминает скорее бизнес-коррупцию.

Вопрос о посредниках, которые являются неперенными участниками этого обмена также остается в стороне. Небольшая попытка эмпирического описания этой ситуации имеет место (Элементы коррупции 2006), но никакой серьезной концептуализации этот феномен не пережил. В целом система коррупции в вузах рассматривается двумя способами. Либо как ситуация, в которой продавец-преподаватель оказывается как бы свободным и вольным продавцом имеющихся в его распоряжении ресурсов. Либо как огромная, но целостная, коррумпирующая машина, которая занимается вытягиванием взяток. И в том и в другом случае за рамками остается та внутренняя игра, которая обеспечивает возможность функционирования коррупционных механизмов. Мы не видим, как создаются организации, как устанавливаются правила и т.д.

Вопрос о системе принуждения, и системе гарантий, которая существует в этой сфере. До тех пор, пока объектом принуждения оказывается студент/абитуриент это не вызывает вопросов. Как только в это роли оказывается преподаватель/вуз, возникает большая лакуна в нашем понимании ситуации. Мы не видим организации контракта в этой сфере и, следовательно, не можем понять, каким образом работает отдельный агент в этой сфере – на сегодняшний день агент анализируется как выдернутый из институциональной среды индивид.

В сумме это все требует от нас перевода модели на новый язык. Рынок высшего образования оказывается исключением: после уплаты вступительного взноса человек на протяжении пяти лет играет внутри одного организационного поля, в котором он реализует те или иные стратегии. В этом плане простой существующий анализ пары вуз – потребитель оказывается явно недостаточным.

Мы предлагаем использовать многоакторную модель анализа неформальной экономики высшего образования, которая позволит описать реальные механизмы движения ресурсов внутри вузовской системы. В модель должны быть включены преподаватели, руководители, посредники и административный персонал и(конечно как разные агенты) студенты/абитуриенты и домохозяйства.

Библиография

- Altbach P. 2004 The question of corruption in Academe // International higher education. 2004. № 34. P. 4-7
- Hallak J. Poisson M. 2007 Corrupt schools, corrupt universities: What can be done? Paris: ИЕР, 2007
- Shelley L., Alasania G., 2004 Scott E., Lynch A., Dadiani J., Antwine S., Kakoishvili I., Papava S.. Corruption in the System of Higher Education in Georgia. Tbilisi: TraCCC, 2004.
- Аванесов В. 2003 Основные инструменты коррупции в образовании // Материалы научно-практической конференции. Социология коррупции Москва, 20 марта 2003года. сс. 201-205.
- Аврамова Е., 2004 Александрова О., Логинов Д. Современное высшее образование и перспективы вертикальной мобильности. // Общественные науки и современность, 2004, №6, сс. 41 – 55.
- Арапов М. Бум высшего образования в России: масштабы, причины, следствия. // Общественные науки и современность, 2004, №6, сс. 30 – 40.
- Галицкий Е., Левин М. 2004 Коррупция в российской системе образования: во что обходится семье образование ребенка. // Народное образование 2004 №10, сс. 44 – 51
- Гуриев С. 2007 Что известно о коррупции в России и можно ли с ней бороться? // Вопросы экономики, 2007 №1 сс.11-18
- Затраты домохозяйств 2005а на воспитание и образование детей в 2003/04 учебном году Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень 2005, №10. М.: ГУ ВШЭ, 2005
- Затраты домохозяйств 2005b на образование детей в 2002/03 учебном году Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень 2005, №5. М.: ГУ ВШЭ, 2005
- Затраты домохозяйств 2005с на учебу взрослых в 2003/04 учебном году Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень 2005, №9. М.: ГУ ВШЭ, 2005
- Затраты домохозяйств 2006 на образование и социальная мобильность. Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень 2006, №5. М.: ГУ ВШЭ, 2006
- Земцов И., 1976 Партия или мафия: разворованная республика. Paris: Les editeurs reunis, 1976
- Калимуллин Т. 2005 – 2007 Российский рынок диссертационных услуг. // Экономическая социология № 4, 2005 сс. 14-38 и №1, 2007 сс. 14-37.
- Карклинс Р. 2006 Система в ответе за это: коррупция в посткоммунистических странах. Алмааты: Интерлигал, 2006.
- Клячко Т. 2004 Мифы, легенды и реальность российского высшего образования // Демоскоп Weekly, 30 августа - 12 сентября 2004 г. № 167-168
- Коррупция в системе 2004 образования. Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень 2004, №4. М.: ГУ ВШЭ, 2004
- Кузьминов Я. 2007 Анализ финансовых потоков // Экономика и образование сегодня http://www.eed.ru/higher_education/e_30.html

- Левада Ю., 2000 Человек в корруптивном пространстве. Размышления на материале и на полях исследования// Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены 2000, N 5, сс. 7-13)
- Лунеев В. 2000 Коррупция : политические, экономические, организационные и правовые проблемы: Тезисы доклада // Государство и право, 2000, №4 сс. 99 – 111
- Музалевская Е., 2006 Проявления коррупции в системе образования // Образование для XXI века. Материалы конференции М.: МосГумУ, 2007
- Орловская Н. 2006 К вопросу о бытовой коррупции // Комитет по противодействию коррупции и организованной преступности http://kpk.org.ua/2006/08/07/k_voprosu_o_bytovojj_korrupcii.html
- Рощина Я. 2003 Формальные и неформальные издержки поступления в вуз: сколько мы готовы платить // Экономическая социология 2003, № 1 сс. 13 – 20.
- Сабуров Е., 2004 Экономика образования и проблема выбора в условиях рыхлых предпочтений // Общественные науки и современность, 2004, №6, сс. 19-29
- Савицкая Е. 2004 Расходы населения в системе высшего профессионального образования // Экономика образования. 2004, № 6
- Саломатин А., 2001 Платность и доступность образования: взаимоисключение или взаимодополнение? // Университетское управление. 2001. № 2. С. 32-34.
- Сатаров Г. 2002а Диагностика российской коррупции: социологический анализ. М.: ИНДЕМ, 2002
- Сатаров Г. 2002b Тепло душевных отношений: кое-что о коррупции // Общественные науки и современность, 2002, №6, сс. 18-27
- Сатаров Г. 2004 Коррупционные отношения : агентская модель и смежные подходы// Общественные науки и современность, 2004, №2, сс. 60-69
- Сатаров Г. 2005 Динамика российской коррупции М.: ИНДЕМ, 2005
- Сатаров Г. 2006 Измерение бытовой коррупции в массовых социологических опросах // вестник общественного мнения 2006 №3.
- Сунгуров А. (ред.) 2000 Гражданские инициативы и предотвращение коррупции. СПб.: Норма, 2000.
- Титаев К. 2005 Почем экзамен для народа: этюд о коррупции в высшем образовании. // Экономическая социология 2005, №2.
- Шевченко И., Гаврилов А. 2005 О теневых экономических отношениях в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2005. № 7. сс. 118-125
- Шишкин С. (ред), 2004а. Высшее образование в России: правила и реальность Авт. коллектив: А.С. Заборовская, Т.Л. Клячко, И.Б. Королев, В.А. Чернец, А.Е. Чирикова, Л.С. Шилова, С.В. Шишкин (отв. ред.) М.: НИСП, 2004.
- Шишкин С. (ред), 2004б. Доступность высшего образования. Сборник работ. М.: НИСП, 2004.
- Экономические стратегии 2007а в сфере образования взрослых. Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень 2007, №3. М.: ГУ ВШЭ, 2007

Экономические стратегии 2007b в сфере образования детей. Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень 2007, №4. М.: ГУ ВШЭ, 2007

Элементы коррупции 2006 в крупнейших вузах Кыргызской республики. Бишкек, Диалект-ИКОН, 2006.